

БЫТИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕИ (о специфике бытия интеллигенции)

А.В. Колесникова

Русско-немецкий университет, Новосибирск.

alinaviktoria@ya.ru

В статье представлен онтологический ракурс исследования специфики бытия интеллигенции, выраженной в стремлении подчинить реальную Жизнь некоей Идее (ментальной конструкции подлинной реальности, содержащей идеалы и ценностные установки). И в этом смысле интеллигенция сама предстает как особое Бытие от Идеи, рождающее идеи нового бытия и нового человека.

Ключевые слова: интеллигенция, идея, человек, Бытие от Идеи, Жизнь.

Идея есть «вечное порождение».

Гегель. Логика III

...Афина против Геи...

Г.П. Федотов «Трагедия интеллигенции»

Мнящий быть мудрым ум

есть облако безводное,

носимое ветрами тщеславия

и гордости.

Авва Фалассий (из «Добролюбия»)

Вместо предисловия

Идея — одна из фундаментальных категорий философии, и в то же время, данное понятие узко философским не назовешь, ведь рождаются идеи в умах представителей любой сферы деятельности. Одни идеи, появившись внезапно, могут так же внезапно исчезнуть, другие, сложно вызревая, закрепляются, объективируясь в так называемом «вещном мире», но есть особые идеи, те самые, которым человек посвящает всего себя без остатка, те, на чей алтарь человек способен возложить и собственную жизнь, и жизни других, и свою Родину. К постаментам обычно возлагают цветы сорванные, мертвые, но еще свежие. Так и жизнь, подчиненная ее величеству Идее, перестает

быть живой, теряет саму жизненность, а Родина перестает восприниматься как живая реальность, а становится ментальной конструкцией, корректировать которую можно бесконечно (напрашивается аналогия с гегелевской «дурной бесконечностью»).

Вопрос: как возникла сама возможность подмены Жизни Идеей?

В Античности идея имела определенный статус в бытии, но не абсолютный, выше — тайна бытия, ведь в лице своих наиболее ярких представителей, античная философия пришла к мысли о существовании Творца — единственно возможного источника и познания, и творения. В Новое время «суд разума» должен был низвергнуть эту тайну. Вполне конкретный человеческий разум, перед «судом» которого «все

должно» было «пройти», уверовал в свою ясную отчетливую Идею и решился подменить ею и тайну бытия, и бытие в целом.

По мере возрастания рациональности идея занимает главенствующее положение (онтологизм Идеи в гносеологии, антропологии и социальной сфере). В классической европейской философии гносеология предшествует онтологии (Р. Декарт, И. Кант). У Г.В.Ф. Гегеля все слито в диалектике (панлогизм), где сильные личности, стоящие выше любых запретов, охваченные страстной идеей, изменяют бытие. Идея в этом случае предстает как сущность, но не вне процесса, а в нем самом, и вместе с тем, это, в кантовском понимании, – сфера чистого разума, но не лишенная бытия, а создающая всякое бытие в себе и из себя. У английских и французских просветителей, не подчинившихся влиянию немецкой классики, понятие идеи имело в большей степени психологическое значение (и все общие отвлеченные понятия и простые представления).

Конечно, на философии в лице ее отдельных представителей лежит ответственность и за проникновение идеи в жизнь и за подмену жизни идеей. И в истории философии были мыслители, призывающие именно к действительному изменению бытия на основе умозрительных проектов. Одной из отличительных черт нашей отечественной интеллектуальной культуры является доверчивость к философским постулатам, стремление воспринять их абсолютно, некритически, с энтузиазмом, и это прослеживается на разных рефлексивных уровнях. Наиболее часто встречаемый в моей преподавательской практике вопрос звучит так: «Скажите, кто все же прав: Гегель или Соловьев, Ницше или Маркс (варианты множественны)? Ведь проще сразу отталкиваться от чего-то достоверного».

Драматизм обозначенного вопроса проиллюстрирован всей русской историей. Прельстившись кажущейся простотой и ясностью некоторых философских построений, многие представители интеллигенции восприняли их не как предмет рефлексии, а как программу конкретных действий, влекущих за собой не просто изменение социума (на уровне реформ), а пересмотр представлений о человеческой природе и бытии в целом. Практические преобразования в социально-политической, культурной, духовной и пр. сферах (в особенности в XX веке) зачастую посягали на бытийные основы существования человека и общества. «...Афина против Геп...», – сказал о русской интеллигенции Г.П. Федотов¹, обозначив суть исканий отечественной интеллигенции. И данное утверждение справедливо как для духовных, так и для социальных исканий, ведь те, в свою очередь, генетически связаны с философскими идеями, а сама философия в России стала не только сферой интеллектуальной рефлексии, но основой практических преобразований.

Происхождение термина «интеллигенция» принято выводить от лат. *intelligentia*, *intellegentia* – понимание, познавательная сила, знание; от лат. *intelligens*, *intellegens* – умный, понимающий, знающий, мыслящий; от лат. *intellegere* – постигать, схватывать. Поскольку термин в настоящее время имеет широкое распространение не только в России, уместно не замыкаться исключительно в рамках трактовки данного понятия П.Д. Боборыкиным и связывать с интеллигенцией радикально настроенную часть общества. Интеллигенция – это мыслящие, образованные в разной степени

¹ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С. 406–408.

люди, испытывающие потребность искать и творить, изменять социум и себя, иногда ради самого процесса поиска (сомнения) или ради достижения того или иного смысла. Обозначенные атрибуты интеллигенции в семантическом и процессуальном виде трудно поддаются сдерживанию, если сам человек в буквальном смысле охвачен (а может быть, и одержим) своими (или заимствованными) идеями, особенно касающимися изменения миропорядка, самосовершенствования, морализирования, антропологических экспериментов и т.д. Согласно классической философии, ищущий и познающий человек осуществляет смысл и цель своего существования — «дух выводит человека за пределы природности», Дух, по Гегелю, есть интеллигенция².

Специфика бытия интеллигенции и сама интеллигенция как феномен могут быть адекватно поняты только в контексте онтологического изыскания, поскольку уникальность интеллигенции не может быть сведена к социальной атрибуции, а заключается как раз в стремлении подчинить реальную Жизнь некоей Идее о том, какой должна быть подлинная реальность и создании (а по сути — ментальном конструировании с возможной практической реализацией) на этой основе нового бытия и нового человека, т.е. жизнетворчества, которое, будучи идеей, фиксируется как сложное многоплановое явление на разных уровнях бытия интеллигенции.

² См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии религии / Г.В.Ф. Гегель // Философия религии: В 2 т. — М., 1977. — Т. 2. — С. 255–296.; *Он же*. Сочинения. Энциклопедия философских наук. — М.: Мысль, 1977. — Т. 3: Философия духа. — С. 65.; *Он же*. Сочинения. Наука логики Т.3: Учение о понятии / Г.В.Ф. Гегель; Отв. ред. и авт. вступ. ст. М.М. Розенталь — М.: Мысль, 1972. — 374 с.

Идея жизнетворчества: генезис и семантика

По мере распространения философии в России, в среде русской интеллигенции Идея заняла главное место. Возможно, это случилось так: усомнившись (влияние Декарта) в истинности христианской онтологии, интеллигенция ставит Идею на место Создателя (влияние Гегеля), стремится к глобальному переустройству бытия (влияние Маркса), которое устроено несправедливо (влияние Руссо), бесконечно саморефлексируя о собственной избранности (влияние Ницше).

Жизнетворчество, будучи само идеей, базируется на ряде идей, выросших не только в недрах философии (и классической, и неклассической), но и мистических учений (от гностицизма до теософии и антропософии). Причем расположить обозначенные идеи стоит не по мере возникновения в истории мировой мысли, иначе первой была бы заявлена идея несовершенства мира, а в такой последовательности, которая бы позволила продемонстрировать именно возникновение идеи жизнетворчества как ключевой идеи русской интеллигенции и жизнетворчества как явления отечественной культуры и истории. Итак, Идея креационной мощи человека; Идея сомнения как имманентного состояния человеческого разума; Идея несовершенства мира; Идея преобразования мира, влекущая его переустройство ради достижения идеала справедливости и ради будущего нового человечества (на деле ради претворения в жизнь собственных креационных амбиций); Идея интеллигенции как особого бытия, выросшая на почве гуманизма, антропоцентризма и естественного права (с нее на самом деле все и начинается).

Человек всегда начинает с вопроса о себе самом. Кто я в этом мире? Поиски ответа возможны разные. Античные натурфилософы решили постичь сначала мир, чтобы потом можно было определить в нем место человека. Что именно должен был делать человек в представлении натурфилософов – неопределенно, но ясно одно – человек должен вписаться в гармонию Космоса, о происхождении и строении которого выдвигались все новые и новые гипотезы. Из тупика раздумий их вывел Сократ, противопоставивший бесконечным онтологическим построениям не просто самопознание (бесконечную софистическую рефлексию о себе любимом), а самоосознание себя как части полиса, т.е. того социокультурного бытия, в котором ты появился на свет и, вероятно, не для того, чтобы его разрушить. Некритически впитавшие в себя образцы европейской культуры, русские интеллигенты-западники ощутили себя чуждыми собственной стране, в оценке которой руководствовались исключительно европейскими мерками. А это значит, мы – просвещенные, лучшие, избранные (а впоследствии и вовсе – «соль земли»), а страна – недоразвита и убога. Интеллигенция – и повод, и причина, и объект, и рефлексирующий субъект для самой себя же. И возникает представление интеллигенции о самой себе как особом бытии, родившемся от идеи собственной исключительности и рождающем идеи глобального переустройства. Интеллигенция сама есть бытие, рождающее идеи и подчиняющее им жизнь.

Как могло возникнуть подобное мироощущение?

Возможно, из возрожденческого пафоса креационной мощи и свободы Человека как высшего творения Бога. Стремясь постичь все разумом и практикой, такой

человек все более отдалялся от Создателя, воспаряя в безднах логических построений, и, наконец, объявил единственно возможным творцом себя самого, возвысив человеческую природу до «ведающей границы добра и зла» и могущей в союзе с разумом построить более совершенный мир, нежели тот, где этот самый человек доселе пребывал и собственно появился. Истинное познание такого человека начинается с радикального сомнения, которому подвергается все существующее (*De omnibus dubitandum est* – лат., сомневайся во всем – исходный пункт гносеологии Р. Декарта)³. Сомнение тождественно мышлению, мышление тождественно существованию (если не сомневаешься – не мыслишь, не мыслишь – не существуешь), а значит никакого места – вере, ведь чуда не объяснить законами мышления. Правда, мышлением можно вывести доказательство бытия Бога, что и делает Р. Декарт. Бог – источник всех возможных совершенств, а значит, и той совершенной идеи, что посетила ум постоянно размышляющего и сомневающегося человека. Декартовский «демон сомнения» исчезает от чистого ясного прозрения, но исчезает, чтобы появиться вновь как вечный спутник любого мыслителя.

Сомнение подвигает человека к мучительному поиску совершенства в мире, где столько несовершенств, в том мире, где пребывает человек, забывший о своей падшей природе и решивший, что может стать совершенным, веруя исключительно в возможности своего разума. Такому человеку проще найти совершенство в собственном уме, нежели в окружающем мире (ведь последнее сопряжено с постижением высшего замысла о бытии!), и пытаться изменить этот мир, исходя из собственных представ-

³ Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт // Соч. в 2 т.: Т. 1 – М.: Мысль, 1989. – 656 с.

лений о совершенстве, которые весьма изменчивы в силу бесконечных сомнений. Но прежде, чем активно изменять существующий мир, человек должен глубоко уверовать в его (мира) несовершенство. И здесь возникает проблема: Бог — источник всех возможных совершенств, а значит, и тех ясных (совершенных) идей, что рождаются в уме, которые совершенны уже потому, что божественны, а как же быть с «несовершенным» миром, ведь и он имеет божественное происхождение? Почему если Бог мудр, мир плох, ведь мир создан Богом?

Для русского светского человека, ощущавшего духовную пустоту секуляризации, выражением религиозных запросов и неким пробуждением творческих сил для самосовершенствования стало масонство, основной религиозно-философской интенцией которого является «учение о сокровенной жизни в человеке» и о «сокровенном смысле жизни вообще»: в мистической антропологии центральное место отводится доктрине первородного греха и учению о «совершенном Адаме»; натурфилософия базируется на древнехристианском учении о «повреждении» природы в результате человеческого грехопадения. Следовательно, задача познания состоит в том, чтобы расторгнуть сотканный падением покров тленности, извлечь «видимую оболочку Духа Натуры», вещество, из которого создадутся «новые небо и земля». В.В. Зеньковский обратил внимание, что именно в русском масонстве сформировались все основные черты будущей «передовой» интеллигенции: и, прежде всего, «примат морали», и «путь идейной жизни и действительного служения идеалу»⁴.

⁴ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т.1 / В.В. Зеньковский — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 544 с. — С. 117 — 123; Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. /

Возникшее вследствие увлечения масонством учение о Софии Премудрости Божией в русской религиозной философии можно рассматривать как результат творческой рефлексии над проблемой взаимоотношения Бога, мира и человека. Будучи онтологическим учением с доминантой религиозно-мистической интуиции, софиология, в лице своих отдельных представителей, стала основой некоторых социально-философских воззрений. Ведь гностический вопрос происхождения несовершенного мира потребовал необходимости преобразования последнего посредством творческого деяния. Видеть истинное бытие — привилегия философов, — это отметил Платон, первым усомнившийся в реальности мира⁵. Правда, как показывает мировая история культуры, у каждого философа — «свое» видение бытия. И первым же Платон предложил преображение мира на основе умозрительной конструкции. Вл. Соловьев дал свою оригинальную трактовку происхождения платоновского мира идей, видя в ней реакцию на казнь Сократа: тот мир, в котором праведник должен умереть за правду, не может быть подлинным, а это значит, что существует другой мир — истинно подлинный⁶. Как его постичь?

В учении Вл. Соловьева определяющим началом философского познания выступает творческий акт, в котором снимается граница между рациональным мышлением, мистикой и религиозным откровением для достижения торжества красоты (объективной мировой силы) на «новой земле» под «новым небом». Преображение мира в кра-

П.Н. Миллюков — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — Т. 3. — С. 346—375.

⁵ Платон. Сочинения: В 4 т. — М.: Мысль, 1990.

⁶ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Сочинения: В 2 т. — М., 1988. — Т. 2.

соте – задача и цель наделенного разумом человека⁷. Но не только в мистически настроенной творческой среде произошло соединение онтологии и социальности.

А.И. Герцен на основании идей французских просветителей и немецкой философской классики пытался отыскать новые, «разумные» решения переустройства бытия. Будучи сугубо светским человеком и антихристианином по убеждению, А.И. Герцен отрицает понятие безусловного Добра, полагая, что нравственные основы человеческого бытия должны быть определяемы некоей «истинной» любовью (т.е. умозрительно сконструированной самим Александром Ивановичем), которая подразумевает преодоление эгоизма и полную искренность по отношению к другому. Как справедливо отметила в своей книге Е.Н. Дрыжакова, семейные и нравственные проблемы занимали данного мыслителя в качестве прелюдии к решению общих проблем социальной справедливости⁸. И в этой связи интересна его «философия деяния». А.И. Герцен при детальном изучении Г.В.Ф. Гегеля обратил внимание на процесс «оформления» идеи, т.е. придания материи как инобытию духа определенной формы, и обозначил это термином «одействование» (от нем. *verwirklichen*), что означает процесс превращения потенции, заложенной в духе, в действительность. В работе «Дилетантизм в науке» прямо говорится об одействовании своего призвания каждой личностью (задача не только грядущего, но и настоящего), которая именно таким образом оставляет печать своей индивидуальности на событиях, постоянно вопло-

щая свое призвание и знания, реально воздействуя на историю творчеством⁹.

Таким образом явлено сочетание платонизма, гностических идей и немецкой мистики у Вл. Соловьева и сочетание идей французских просветителей (к слову, материалистов или деистов) и диалектики Гегеля (всеобъемлющий идеалистический панлогизм) у А.И. Герцена, и оба эти мыслителя выделены не случайно, ведь идеи первого были абсолютно, с извращенной практической реализацией воплощены в среде творческой интеллигенции, а идеи второго – в среде социально ориентированной радикальной интеллигенции. И русские социалисты, и русские мистики в своих онтосоциальных теоретических построениях отталкивались от идеи «сотворения нового бытия и нового человека» в процессе духовного совершенствования, воспринятой ими как возможность изменения миропорядка посредством творческого деяния.

Жизнетворчество как Бытие от Идеи

Жизнетворчество как Бытие от Идеи — это весьма сложное и многоплановое явление, вариативное в способах выражения (от глобального переустройства социокультурной реальности до экспериментирования над личным бытием), это особое, созданное человеком на основе умозрительной конструкции бытие, в котором Идея доминирует над естественной реальностью, порой и вовсе поглощая последнюю.

В явлении житнетворчества (как Бытия от Идеи) можно выделить несколько уровней:

⁷ Он же. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 520

⁸ Дрыжакова Е.Н. Герцен на Западе: в лабиринте надежд, славы и отречений / Е.Н. Дрыжакова – СПб.: Академический проект, 1999. – С. 19.

⁹ Герцен А.И. Собр. Соч. в 30 т. Т. 3: Письма об изучении природы. Дилетантизм в науке / А.И. Герцен – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954–1964. – 363 с.

особый тип креации (духовно-творческая установка, с доминантой онтологического характера, в процессе реализации которой человек берет на себя божественную креативную функцию, что позволяет ему не только и не просто заниматься конструированием бытия, но считать последнее некоей высшей своей обязанностью, своего рода миссией, порой требующей определенной «жертвенности»); особый тип рефлексии – своего рода экстраполяционный идейный абсолютизм, с последующей (часто много-разовой) реализацией ментальных проектов на практике; особый тип сознания – некий духовно-нравственный феномен. Все три уровня (каждый по отдельности и все вместе) являются особого рода бытием – производным от идей.

Порой в отдельно взятом феномене социокультурной исторической реальности фиксируются все три уровня жизнетворчества, причем они могут образовывать некую цикличность – своего рода замкнутость на определенных идеях и самом человеке (или группе) как их носители, и в случае негативного результата от претворения в жизнь тех или иных идей, сознание «идейного» человека (или группы) не находит выхода, как следствие возможна личная трагедия или революция, ведь революции готовятся и творятся именно людьми подобного склада. Духовно-творческая установка порождает определенный тип рефлексии (свободная экстраполяция с практической реализацией), причем, стремление к практической реализации (креации духовного или социального порядка) совершенно определенно вытекает из духовно-творческой установки; далее, в процессе креации, начинает меняться сознание (представители и духовных и социальных исканий прошли путь личных трагедий); но все дело в том, что духовно-творческая установка появляется

в результате уже определенного сознания. Таким образом, тип сознания уже включает в себя определенную творческую (и духовную) установку, которая ведет к особой рефлексии (с практической реализацией) и приводит вновь к соответствующему типу сознания. Человек в этом случае становится пленником как собственных ментальных установок, так и собственного изменившегося сознания, но едва ли станет обвинять себя самого, скорее – обстоятельства и «жестокость мира», подобно героям произведений А.И. Герцена.

Как принять реальные трагедии жизни? Никто не хочет страдать, но многие желали бы достичь просветления. Способы могут быть разные, например, в мемуарной литературе о времени рубежа XIX–XX веков нередко описывается такой духовно-нравственный феномен – сознательное «падение» ради последующего «просветления»¹⁰. Или человек решает, что и вовсе не нужно страдать и пытаться постичь замысел о мире, ведь можно самому создать новый мир, правда страдает он в этом случае за Идею.

В погоне за «новыми возможностями» трудно удержаться от креационного соблазна «новой объективности» для «нового человека», ведь глобально изменять мир должен

¹⁰ См.: Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2-х томах. Т. 1 / Ю.П. Анненков; Вступ. ст. П.А. Николаева. – М.: Художественная литература, 1991. – 346 с.; Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / М.А. Бекетова; Сос. В.П. Енишерлова и С.С. Лесневского; Вступ. ст. С.С. Лесневского; Посл. А.В. Лаврова; Прим. Н.А. Богомолова. – М.: Правда, 1990. – 672 с.; Белый А. Начало века / А. Белый. Воспоминания: в 3 кн. Кн. 2; Подг. текста и комм. А.В. Лаврова. – М.: Художественная литература, 1990. – 687 с. – (Серия мемуарной литературы); Эллис. Русские символисты: К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый / Эллис / П.А. Кобыленский – Томск: Водолей, 1990. – 289 с.

совершенно особенный Человек, не тот, который создан по образу и подобию Божьему, а тот, который решил, что он сам и есть Бог со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Я Сам Себе Бытие», — под этим тезисом вполне мог бы подписаться и воспитанный в духе вольтерианства А.И. Герцен, и один из создателей неохристианского синтеза А. Белый, и поэт-маг В. Брюсов, и А. Блок, и В. Ульянов (Ленин), и Н. Чернышевский, и мн. др. Общим для обозначенных представителей русской интеллигенции является креационный бунт как следствие духовного разлада, именно в нем черпали они силы для творчества, а ощущение научной, культурной и прочей неполноценности в сочетании с уверенностью в потенциальном величии не столько реальной России, сколько страны, где интеллигенты (такие замечательные, как сами о себе думают) родились и вынуждены жить (эдакая закомплексованная амбициозность) отчасти подвигло к разработкам социальных преобразований. По мере претворения идеи в реальную жизнь, сама жизненность теряется, а плоды интеллигентских усилий становятся мертвой формой бытия.

Все рожденные идейным абсолютизмом преобразования недолговечны, потому что изначально не имеют с реальностью ничего общего, более того, они враждебны по отношению к самой Жизни. Бытие, воспринимаемое сквозь призму Идеи, неизбежно суживается до состояния сознания человека, отягощенного собственной идейностью¹¹. Сознание же такого человека бесконечно раздираемо страстями (гордыней, гневом), обрекающими на псевдожизнь, лишенную спасения и Благодати.

¹¹ Феномен сужения сознания радикальных интеллигентов описан Н. Бердяевым, см.: *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма* / Н.А. Бердяев — М.: Наука, 1990. — 220 с.

Вместо заключения

Кризис рационализма в философии оказался преодолим в онтологии познания. Русская онтология направлена на раскрытие сущности мира, человека, истории, ведь место человека в бытии определяемо пониманием сущности и предназначения самого человека. Философия не должна быть оторвана от реальной жизни. Бытие первично и самоочевидно, ведь, чтобы познавать, надо быть. Бытие человека связано с бытием как таковым через первичное переживание. Чувство бытия дано нам не внешне, а присутствует внутри нас. Чувство бытия одновременно объективно, надындивидуально и самоочевидно.

Русская творческая интеллигенция слишком поверхностно восприняла софиологические идеи Вл. Соловьева, упустив из виду смысл его философии всеединства (софиология, будучи отдельным учением, все же должна восприниматься в контексте всей философии всеединства). Философ сделал попытку преодоления односторонности материализма, идеализма, дуализма, рационализма и только еще нарождающегося тогда сциентизма в цельном знании (единство философии, религии и науки). Именно учение о Логосе отличает гносеологию всеединства от европейского рационализма. Мир субстанционально пронизан Божественным Словом. Логос — объективно-Божественный принцип, всякое осознание Логоса всегда религиозно. Познание мира через Логос — большая напряженность личного самосознания, и усилий логики здесь не достаточно. Необходимы усилия души и духа. Логос завладевает всей полнотой человеческой жизни: и слова, и мысли, и искания. Он может пронизывать все сознание и быть невыразим в мысли и слове. Законченное

выражение Логоса в Идее – Красота (воплощение идеи в бытии, плод любви идеи к материи, единство чувств между Духом, Умом и Душой), Мудрость (София) же – триединство Добра, Истины и Красоты.

Человек как личность (сопричастность к Лику) может стоять и выше социума, но раскачивание социума бывает губительно для личности. Все ли может предусмотреть человек, решившийся на радикальное изменение мира? Само бытие – результат креации и содержит печать Творца. Сам человек – результат креации и содержит печать Творца. Сам человек – в результате креационного бунта отсекает себя от Творца и становится творчески бесплодным на онтологическом уровне. Внешне же, напротив, человек может быть чрезвычайно деятельным. Философия преодолела кризис рациональности, способна ли интеллигенция преодолеть идейный абсолютизм и суженность сознания, обрести софийное зрение и воспринять всю полноту бытия в ее Высшей телеологичности?

Итак, специфика бытия интеллигенции определяется как Бытие от Идеи, что означает следующее: интеллигенция сама есть особого рода бытие, происходящее от идеи, понимающее этот мир сквозь призму идеи (или идей), рождающее или продуцирующее идеи. Зафиксировать обозначенное можно на примере идеи и явления жизнетворчества, что характерно как для мистиков, так и для социалистов.

Но есть и другие фиксации понимания жизнетворчества. М.М. Пришвин предложил не фантазировать некую «вторую реальность», а видеть Жизнь в ее действительной подлинной красоте, суметь уловить те мгновения, когда Жизнь сама дает человеку возможность постичь ее и себя самого, причем такое прозрение может произойти

совершенно неожиданно, ведь «творческий акт человека, согласованный с творчеством всей жизни на земле, заключается в способности его останавливать пролетающие мгновения жизненного потока»¹². Поэтому, мне думается, что понятие Бытие от Идеи в качестве обозначения специфики бытия интеллигенции, хотя и достоверно фиксируемо, но не всегда статично, и не всегда является финальным для интеллигенции, оно вполне может быть преодолимо, и тогда фиксацией бытия интеллигенции станет, возможно, полнота бытия или Цельное Бытие. Не секрет, что многие представители отечественной культуры и философии (те самые, которых не относят к интеллигенции приверженцы социокультурного подхода интеллигентоведения), смогли преодолеть личный креационный бунт, увлечение гегельянством и (или) марксизмом и вернулись к духовным основаниям понимания России (или приблизились к ним). Жизнетворчество в этом случае может продолжаться, но основанием для него будет уже Цельность Бытия.

Литература

Анненков Ю.П. *Дневник моих встреч: Цикл трагедий*. В 2-х томах. Т. 1 / Ю.П. Анненков; Вступ. ст. П.А. Николаева. – М.: Художественная литература, 1991. – 346 с.

Белый А. *Начало века* / А. Белый. Воспоминания: в 3 кн. Кн. 2; Подг. текста и комм. А.В. Лаврова. – М.: Художественная литература, 1990. – 687с. – (Серия мемуарной литературы).

Бекетова М.А. *Воспоминания об Александре Блоке* / М.А. Бекетова; Сос. В.П. Енишерлова и С.С. Лесневского; Вступ. ст. С.С. Лесневского; Посл. А.В. Лаврова; Прим. Н.А. Богомолова. – М.: Правда, 1990. – 672 с. – 1993. – 303 с.

¹² Пришвин М.М. *Дневник* / М.М. Пришвин – М.: Художественная литература, 1990. – С. 155.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 220 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии религии // Философия религии: В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1977. – Т. 2. – С. 255–296.

Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – Т. 3: Философия духа. – 471 с.

Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Наука логики Т. 3: Учение о понятии / Г.В.Ф. Гегель; Отв. ред. и авт. вступ. ст. М.М. Розенталя. – М.: Мысль, 1972. – 374 с.

Декарт Р. Соч. в 2 т. Т. 1.: Рассуждение о методе / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 656с.: 1 л. портр. – (Философское наследие)

Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т.1 / В.В. Зеньковский – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 544 с.

Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. / П.Н. Миллюков. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – Т. 3. – С. 346–375.

Платон. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1990.

Пришвин М.М. Дневник / М.М. Пришвин. – М.: Художественная литература, 1990.

Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Сочинения: В 2 т. / В.С. Соловьев. – М., 1988. – Т. 2.

Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / В.С. Соловьев – М.: Искусство, 1991. – С. 520.

Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. – М., 1990.

Элис. Русские символисты: К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый / Элис / П.А. Кобыленский. – Томск: Водолей, 1990. – 289 с.